
Геннадий
ПИСКАРЁВ

ЗАПАХ
КРЕОЗОТА

Геннадий Александрович Пискарев

Запах креозота

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55641105

Запах креозота: ПРОБЕЛ-2000; М.; 2018

ISBN 978-5-98604-672-3

Аннотация

Своеобразен, порою странен бывает взгляд человека, пережившего своё поколение, на современный мир.

Геннадий Пискарев считает, что он лично пережил как бы три поколения: отцов, своих одногодков и собственных детей. И ему есть, что сказать, познавшему и взлёты, и падения, и твёрдо убеждённому: прошлое, настоящее и будущее в глазах Бога всего лишь миг.

Содержание

Введение	5
Часть I. Будет ли в России благодать?	12
Иного не дано	12
Не ищи своего	15
Узник замка Иф	17
Всё смешалось в доме Облонских	19
В одной невероятной скачке	24
Янусы	25
Постскриптум	39
«Писаная торба»	40
Материнская правда	42
Каин и Авель	44
Заноза	45
Отцы и дети	48
Копьё Лонгина	49
Кзаки	52
Часть II. Не верь, чтоб вовсе пали люди	56
Путь на верх	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Геннадий Александрович
Пискарёв
Запах креозота**

На заметку начинающим журналистам...

© Пискарёв Г. А., 2018

Введение

Этот запах смеси битума, кислоты и отходов нефтеперегонки прожигает моё сознание с детских лет, прошедших на лоне девственной природы, – лет, овеянных ароматом лугового разнотравья, хвойнолиственного леса, оглушенных перезвоном кузнечиков и стрекоз, пеньем птиц и шумом вольного ветра. Кстати, этот ветер и принёс креозотный дух в мою деревеньку со стороны железнодорожного полустанка «Бродни». Это был запах шпал, пропитанных для стойкости креозотом.

Когда наши деревенские женщины по утрам топили печи, ставили в них для выпечки свой самодельный хлеб, ржаной аромат с печным дымом глушил синтетический запах, плывущий со стороны железной дороги. Между прочим, он очень дразнил моё девственное обоняние, он где-то даже нравился мне. И вызывал чувства сходные с теми, о которых поведал как-то профессор, заместитель главного редактора «Правды» (последний период советского бытия) Ричард Косолапов, увидевший первый раз паровоз в двенадцатилетнем возрасте: «мне хотелось бежать за ним».

Ну как Гурию Львовичу Синичкину из пьесы «На подмостках сцены», что шагает с дочкой Лизанькой из города в город посреди железнодорожной колеи: легко, удобно, маршрут обозначен, не собьёшься с пути. Жаль только: па-

ровозы дымят и гремят, движению пешеходов мешают. Так, всё так, и мне когда-то очень хотелось бежать в даль загадочно-открытую – туда, куда «под безмолвный оклик светофоровый неслись составы, сломя голову». Прогресс!

Прогресс... Однако, вот мы, человеки, чем старше, тем больше вспоминаем былое. И я в минуты смятенья чувствую в запахе креозота уже что-то такое, напоминающее привкус серы. Серы – главного элемента дьявольщины, ада, зла. И ловлю себя на парадоксальной мысли: *мы стремимся в будущее в надежде обрести там прекрасное прошлое.*

Вроде бы понимаю: прогресс всё-таки благо. Но какой прогресс? Прогресс духовный? Промышленно-экономический? И нет ли между ними извечной борьбы? Диалектика-то, хоть марксистская, хоть гегель янская, подталкивает именно к такому умозаключению. А ещё более продвинуто считать, что и во зле есть своё обаяние.

Наверное, есть. Тем более, что зло умеет мимикрировать и приспособливаться, и рядиться в овечьи шкуры.

Вон уже и шпал прокреозоченных нет на железной дороге – только бетонные. Они не пахнут серой. И чёрно-дымных паровозов нет – электровозы. Но нет и моей деревни. Её, как и тысячи других, съел промышленный волк – прогресс. В луговых травах не стрекочут кузнечики, да и птиц не слышно. Лес поредел. Погиб от выбросов с атомной станции, что воздвигли строители светлого будущего. Кстати, первой прекратила своё существование деревенька Бродниково, имя кото-

рой присвоил себе желполустанок «Бродни».

Неизгладимое впечатление детства. Зимой, на лыжах мы вошли в Бродниково, оставленное людьми. Хлопали, как расстрельные, контрольные выстрелы, отрывающиеся ставни, скрипели в агонии шатающиеся двери, ветер с визгом драл с крыш солому. Жутко, апокалипсис какой-то. Скорей, скорей отсюда – домой, на печку, к бабушке.

А потом уже в зрелые годы, одолевая марксизм-ленинизм, идя по возрастающей в служебном положении, имея постоянным местом жительства лучезарную столицу нашу – Москву, посмотреть на которую в юном возрасте пришлось прибыть на крыше товарного поезда, я вдруг цепенел от щемящего, тоскливого чувства, готовый как Фёдор Тютчев променять блистательный мир «на грязь милой Родины».

И это ещё что. Вслед за английским архиепископом Ричардом Уотли мне хотелось прокричать: меня не устраивает современный прогресс тем, что движется вперёд, а не назад.

И я, Гена Пискарёв, «моряк красивый сам собою», гордящейся авторством в книжке, что выпустило тогда издательство «Правда», «Власть над землёй», заколебался. Какая мичуринская самонадеянность – власть над землёй! Вроде бы на самом-то деле земля властвует над человеком. И силён этот человек, пока действует в союзе с ней, соработничает, как с Богом.

Конечно, Глеба Успенского, его «Власть земли» я читал

(университетская программа обязывала). Но читал обработанный уже ленинской характеристикой «Гения земного».

Мимо моего сознания, зашоренного новейшими веяниями, прошли как-то слова Глеба Ивановича о том, что «огромнейшая масса русского народа до тех пор терпелива и могуча в несчастьях, до тех пор молода душою, мужественно сильна и детски кротка – словом народ, который держит на своих плечах всех и вся, народ к которому идём за исцелением душевных мук, до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит *власть земли*, покуда в самом корне его существования лежит *невозможность* послушания её *повелений*, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют всё его существование».

К таким, собственно, мыслям и меня со временем прибила жизнь, сама крестьянская действительность, которую я отображал, работая в газете «Сельская жизнь». Однако вот до таких характеристик, таких образов относительно крестьянских, земных божьих начал в человеке не додумался. Это я о Святогоре-богатыре и Микуле Селяниновиче говорю, который легко несёт, как рассказал Успенский, за плечами какую-то сумочку, и которую богатырь-Святогор от земли оторвать не смог. «Что скажи ты, в сумочке накладено?» – спросил он Микулу.

– Тяга там от матери сырой земли. Я мужик. Меня любит мать сыра земля.

Вот и вся былина – загадка, из которой видно: тяга и

власть земли до того огромны, что совладать с нею и богатырь Святогор не может, а между тем эту тягу и власть народ несёт легко. Всё это именно и есть до сего дня.

Правда, бесы не дремлют. В дальнем море на каменной скале стоит гигантская статуя «Свободы» с поднятым над головой электрическим факелом. Издалека, за сотни вёрст виден его свет. Много добра приносит статую кораблям, застигнутыми бурей. А вот птицы в непогоду, видя благодатный свет, думают, что тут жильё, что тут тепло, мчатся сюда и... насмерть разбиваются о гигантский фонарь.

Не так ли гибнет крестьянин, покинувший землю: в городе, кабаке вроде теплее. Но теплее потому, что на земле, в доме ему стало холоднее. Бесы сделали так. Мёртвый свет фонаря, запах креозота – одурманили человека.

Вспоминаю случай: в одной деревеньке проводили водопровод. Радовались бабы и мужики. Не надо теперь ежедневно из колодцев по десятку ведер воды до дому тягать. Лишь один старичок, дядя Вася – ретроград несчастный, от вводимого блага отказался. И продолжал пользоваться кристально чистым колодезным водяным источником.

У соседей колодцы без употребления вскоре заилились, вода зацвела и протухла. Водопровод, ясное дело, как на деревне коммунальные службы работают, тоже забарахлил. Трубы поржавели, потекли, вода из них стала похожа на по-мойную смесь.

Бросились люди к дяде Васе, в очередь за водой встали. И

уже не за десяток метров, как ранее из своих колодцев, а за километр живительную влагу таскать начали.

Чушь какая-то скажет молодой и продвинутый горожанин. Что, назад в пещеры идти надо? В детство впадать? Ну вернёмся в детство, в момент рождения. Да ведь рождение – это боль. Чего же тут хорошего? А зачатие, возрожу я. Соитие... Если нет насилия, здесь торжествует любовь. Как там у Пушкина:

*Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, висясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!*

*О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!*

Заметки, статьи, что печатаются ниже, – это как бы отражение тех огоньков, тех божьих искр, что делают человека человеком, хотя причиняют при этом нередко боль, как фи-

зическую, так и духовную. Но ведь болью исцеляется душа, приближается ко Всевышнему. Долгая журналистская практика общения с людьми убеждает меня в этом.

P. S.

Вынесенная на обложку репродукция картины Бориса Михайловича «Большевик» имела авторское название «Бич Божий». В 20-ые годы прошлого столетия в Стране Советов, когда произведение было написано, картину с таким многообъясняющим названием выставить, разумеется, не представлялось возможным. Но сейчас-то...

И опять появляется повод поразмыслить: что есть движение вперёд? Откуда ползёт запах серы, креозота? И не занесён ли над нами бич Божий – нынешний технический прогресс, – скачущий бешено, необузданно, абсолютно, кажется, оторвавшийся от нравственных возможностей человека мало изменившегося со времён сотворения в духовном своём развитии?

Часть I. Будет ли в России благодать?

*Алексей Константинович Толстой устами
богатыря Потока, не шутя, сделал весьма и весьма
значительное заявление:*

*Много всяких на свете чудес.
Я не знаю, что значит какой-то прогресс,
Но до здравого русского вече
Вам ещё, господа, далече.*

Иного не дано

Когда-то довелось прочитать удивительное суждение о том, что тайна жизни кроется в страданье: дети и звезды рождаются в муках. Странно вроде бы, но именно такого рода мысли начинают роиться, когда слушаешь русские песни. В частности, Надежды Евгеньевны Крыгиной, что на днях в очередной раз пленяла своим искусством собравшихся на её концерт в московском Мюзик-холле.

Существует расхожее выражение: песня – душа народа. Это очень верно. Как верно и то, что русский человек, как никто, способен самовыражаться не иначе, чем через боль.

Она, в отличие от других, не имеет маски. Страданье всегда истинно. Поэтому-то явленное в искусстве, в музыке – предтече всех искусств – оно завораживает, покоряет искренностью, поражает сопереживанием.

Страдание – не уныние, смертным грехом быть не может. Как и народная песня, наполненная печалью и грустью, оно несет очищение – катарсис. Это особенно ощущаешь, когда углубляешься в пение Надежды Крыгиной, заявляющей мудро: «В каждой русской песне, даже несколько легкомысленной на первый взгляд, заложен глубокий смысл».

Не правда ли, у сказавшей такие слова есть чему поучиться. И у неё учатся. И подают уже немалые надежды молодые певицы, как, например, Валентина Моисеева.

Через трепетное исполнение народных песен Надеждой Евгеньевной начинаешь, кажется, открывать загадку русской души. Души, что, словно Вселенная, соткана из страдания, но созданная, однако, руками любви. Это начинают понимать, похоже, и там, за пограничными столбами Отечества. Не потому ли столь любима Надежда Крыгина зарубежными слушателями.

«Страданье возвращает нас к Богу». Это слова Олигьери Данте. Извечно стремится к Богу русская душа, столь проникновенно отраженная, в чём пришлось убедиться и в этот раз, в творчестве народной артистки России Крыгиной. По имени Надежда. Имени, стоящем посредине таких символически значимых обозначений, как Вера, Любовь и мудрость

София.

«Будет в России благодать», – поёт пронзительно почвенно-русская певица. Будет! Мы надеемся вместе с ней. Мы верим в это. Но ведь верить – страдать. А страдать – верить. Иного не дано.

Не ищи своего

Самое страшное, что я вижу ныне – отсутствие интереса человека к человеку. *Только я сам.* Причём удивительнейшим образом полагающим, что все остальные люди, неинтересные мне с их запросами и проблемами, должны думать о моих интересах, решать мои задачи.

Уходит душевная привязанность, даже формальная.

В моей деревне (огрубляю пример), если ты побывал у кого-то в гостях, обязан пригласить в гости и к себе тех, у кого гостил. Неважно, хлебосольно ли примешь, но должен, должен ответить знаком душевного сближения.

Этого ныне не встретишь запросто. Могут заплатить за услугу, помощь. По тарифу, жёстко, по-канцелярски. Люди – механизмы. Смазал – поехал.

Часто пытаются «ехать» без смазки. Дураков, святых ищут. Тьму примеров привезти можно. Святого, как навверное, художника, обмануть легко. Но Бог-то правду видит, хотя и не всегда её высказывает. Дьявол рад: самого Господа облапошил. Ой ли!

А в миру... Падший, обманутый приходит таки в чувство. Падая же, он как бы притупляет бдительность дьявола.

Вот тут-то и дай ему бог извернуться.

Но, вообще-то, как толкуют святые отцы, лучше бы своего не искать, а делать общее дело, угодное Христу.

И помнить надо бы всем нам евангельскую заповедь: «Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи». Это вовсе не значит, что спасаться надо любым способом – бегством, трусостью, изменой. Боже упаси, будь твёрд в праведном стоянии и твой пример спасёт тысячи гибнущих.

Узник замка Иф

Актёр Авилов, исполняющий роль Дантеса в киношно-интерпретированном произведении по роману Александра Дюма-отца «Граф Монте Кристо», умер молодым.

Меня страшит мысль, уж не расплата ли это за произнесенные с высочайшей дерзостью слова: «Человек умнее Бога». Пусть и не актерские слова, а интерпретатора-режиссёра, вложенные в уста аббата Фариа.

Как хочется быть хорошим и справедливым человеком. Но как? Кто подскажет, кто научит? Беспрекословно выполнять волю стоящего над тобой? Свести действия до инстинктивных поступков?

Вот муравьи. Они хорошие. Если пожар, пойдут на смерть и муравейник спасут. А может, они зомби?

Отличить хорошее от плохого можно, лишь сопоставив одно с другим. Нельзя, выходит, быть хорошим всем. Кто-то должен стать и плохим.

Да что же это такое? Как выпутаться из этой паутины. Умный человек, подскажи!

«Умный человек» диалектику подсовывает. О единстве и борьбе противоположностей, о переходе количества в качество, об отрицании отрицания начинает толковать.

Что-то не очень убеждает опять. К «глупому Богу» опять тянется мысль. А тот одно говорит: Живи, усмиряя гордыню

и страсти внутри себя. Победишь – спасёшься.

Ну как?

Всё смешалось в доме Облонских

1. По закону или по совести.

Моя сестра Валентина идёт в райбольницу заполучить бюллетень медицинский для сына, моего племянника, прогулявшего занятия в институте.

Главврач – наш односельчанин, мой одноклассник, Коля Бонокин. Липовый документ выправляет и смотрит с ожиданием на сердобольную мать. Та догадывается: надо на лапу доктору дать.

– Сколько?

– Десять рублей. (Время советское.)

У сестры глаза на лоб. Какой наглец Колька, односельчанин, а «дерёт» что и со всех.

А как действовать Кольке-врачу? По закону или по совести (об этом у Островского в «Горячем сердце» хорошо поведано). По закону – не дать фальшивую справку, по совести – стовор с совестью.

Виноваты, получается, и сестра, и врач. Не Колька же пришёл к ней или дал объявление, что выписывает за десятку неправедную бумагу, создающую «алиби» лукавому человеку.

Ох, и хитро завилась верёвочка! Главное, развивая её, понять: Подлости задаром не делаются. Из мало – маленького, низменного мало – выползет велико – грех и зло.

2. Я – линер.

Моя соседка по квартире – инвалидка, вызывает из бюро услуг уборщицу. Через некоторое время та появляется у дверей, звонит. Соседка открывает дверь, спрашивает, стоящую с ведром и тряпкой молодую девицу:

– Уборщица?

– А зачем Вы меня оскорбляете, – надувает губы стоящая на пороге.

– Как это? – удивляется хозяйка.

– Я не уборщица. Я – линер! – сердито заявляет вызванная поломойка и резко поворачивается спиной к растерянной заказчице. Уходит прочь.

3. Диалог в автобусе.

– Бабка! Куда, старая плесень, едешь? Без тебя молодые в автобусе задыхаются.

– Еду на такого же оболтуса, как ты, работать, на прокорм ему деньги зарабатывать.

4. Пряник и зуботычина.

Мой двоюродный дед, дядя Иван, «ухвативший» в жены чудом оставшуюся в живых дворянку из рода Бертеновых после революции, лупил родившегося неслуха, вольной закваски сына Витьку чересседельником.

Жена дяди Ивана – Елизавета, неспособная совершенно

жить по-крестьянски, но умеющая, как никто, заваривать чай (нередко отпаивала им падавшую от усталости мою мать, вдову-солдатку), Витьку, не раз выгоняемого из школы за «хулиганку», величала не иначе как Виктором Ивановичем. Что Вы хотите – продолжатель рода.

Витьке мы завидовали, особенно, когда он выгонялся из школы. Нам-то зимой, бывало, плюхать до неё не одну версту, а он с горы, на «козле» катается.

Диво! Но Витька единственный из деревни парень, который дошёл-таки до 10 класса, не «посидев» как другие, ни в одном два года. А далее и институт закончил.

Воспитание... И макаренковская зуботычина (помните «Педагогическую поэму»?), и княжеское обожание (В «Чёрной курице» у Никиты Михалкова – об этом) дают, оказываются, в итоге неплохой результат.

«Помни имя своё» – постулат из средневековой педагогической книги «Юности честное зерцало».

«Чти родителей своих» – заповедь Святого писания.

Наши предки за собой, вообще-то, не оставляли грязи. Готовясь к уходу в иной мир, загодя готовили чистый наряд для себя.

Оставить после себя прибранное место, дом – было их принципом.

Память о них – они в белых одеждах. Святые.

В «Прощании с Матёрой» у Валентина Распутина показана сцена уборки старой крестьянской собственной избы пе-

ред затоплением её искусственным морем. Священное действо! Молитва и гимн.

5. Импрессионисты.

Кажется иногда, что живём мы ныне в сумасшедшем мире. Реальность, здравый смысл то и дело как бы ломаются. Так импрессионисты видели окружающую их действительность – через туманность, кривые линии. Такое виденье, вообще-то, свойственно людям с разорванной клетчаткой глаза – больным, стало быть.

Надо лечиться.

6. Копировальщики.

Плохо или хорошо быть копировальщиком? Нынешний промышленный Китай начинал с того, что копировал достижения передовых стран.

Курчатов создал атомную советскую бомбу по американским лекалам. Хотя и для этого нужно голову иметь.

Древние художники, гении Возрождения, например Леонардо да Винчи, Рафаэль и другие поначалу тоже были копировальщиками.

Собственно любой мастер начинает с того, что повторяет долго и кропотливо своего учителя, пишет этюды, натуру. Потом становится творцом. Получает законное как бы право на свой взгляд, метод и т. д. Не все копировальщики перерастают в художников, но добрыми ремесленниками оста-

ются.

По мне, это лучше, чем создавать с «бухты-барахты» «Чёрные квадраты», «летающих коров» или «удавовидные спирали», прочие инсталляции. При этом оболванивая простодушных людей, выдавая, «втюхивая», содеянное левой ногой за нечто самое передовое, авангардное, гениальное, средним умам не доступное.

Ой, как похожа сия морока на нынешнее, чуть ли не поголовное, переименование всяких там «ремеслух» и цирюльней в академии, претензионное стремление безответственных, никчемных болтунов постуниривать себя столпами общества.

Право, не знаешь после этого, под какой плинтус засунут тебя самодовольные недоросли.

В одной невероятной скачке

Многие оставшееся в памяти гении, герои, страстотерпцы прожили мало. Пушкин – 38, Лермонтов – 27, Есенин – 30 и т. д.

Но какое духовное наследие оставили. А путешественники: Марко Поло, Миклухо-Маклай, Пржевальский. Не летали со скоростью звука по планете они. А сколько всего увидели они. И как увидели!

Женщины-декабристки по полгода на пересылках сидели, по году – в санях. Какая напрасная вроде бы трата времени. А на самом деле?

Разве сравнимо то, что они сделали с тем, что творим мы, мечущиеся по лику земли, как угорелые.

Суета сует.

Янусы

Мне в жизни доводилось встречаться, даже работать, общаться, обмениваться мнениями со многими великими людьми. Великими как в смысле великие духом, так и великими подлецами. Назвать их имена? Потом, может быть, когда сам освобожусь от комплекса двуликого Януса, который нет-нет да и во мне пробуждается по игре обстоятельств.

Пока же, думаю, есть смысл привести интервью, которое дал я не столь давно выпускникам факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова. Ребята, бравшие его, сказали, что в итоге, по формату, интервью получилось больше похожим на «мастер-класс», данный профессионалом. Не возражаю.

Итак:

СУТЬ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация:

Данная публикация – это размышления бывшего сотрудника газеты «Сельская жизнь», экс-редактора журнала «Президентский контроль», члена Академии российской литературы Геннадия Александровича Пискарева о профессии и ответственности журналиста перед обществом.

Корр.: Геннадий Александрович, Как Вы пришли в про-

фессию? Насколько мы знаем, Вы заканчивали факультет журналистики МГУ. Почему Вы выбрали именно его?

Г.А.: Да видите, как случилось... Я родился в деревне, довольно глухой, жители которой тогда читали единственную газету – районную. «Буйский ударник» называлась. Туда-то я и написал первую свою заметку, возмущенный тем, что налоговый агент – Федя Медведев начал с моей матери – вдовы-солдатки – драть бездетный налог. Каким-то образом довелось узнать, или догадался, что такой налог не должен взыскиваться с женщины, потерявшей на фронте мужа. Кстати, я учился тогда в третьем классе.

Корр.: В третьем классе?

Г.А.: Да, Федю, конечно, с работы не сняли: непросто ведь найти на должность мытаря человека с собачьей хваткой; но наши мужики меры приняли.

Подстерегли лихоимца в овраге и устроили «темную». Потом, спустя годы, я уже учился здесь на факультете, Федя приходил ко мне, хотел завести дружбу.

Так что правильно говорят: всё начинается в детстве. Моё послевоенное детство, в обыденности корявое и скупое, расцвечивалось, утеплялось величайшей благодатью, разлитой в окружающей нас природе. И ещё: босоное, рвано-латаное детство моё выпало на великие годы истинного победного ликования. Это было время встреч с настоящими героями войны, немногими вернувшимися с фронта, односельчанами – отмытыми от окопной грязи и пороховой копоти, с

отливающими золотом и огненным рубиновым блеском медалями и орденами на выцветших до бела гимнастёрках. О, как хотелось, чтобы мир узнал про них. А то, что же получается: в школе мы чтим память сыновей итальянского антифашиста Чарльза Деви, который потерял на войне семерых детей, а вот о шестерых сыновьях моего деда, сложивших головы, кто на родной земле, а кто и за пограничными столбами отечества, – чего-то нигде кроме как в моей деревне, и не говорят.

Понятно, о том, чтобы стать журналистом, я тогда не помышлял. Деревенское общество практичное, реальное, ориентировало нас на получение профессий, способных дать сразу надёжный материальный фундамент. Вот тракторист, шофёр – это да, а о журналистике у нас не ведали ни сном ни духом.

Стихи писал. О любви. К однокласснице.

*«Стал для меня твой образ нежный,
Богиня из 8 «В»,
Как оберег души мятежной
И хрупкой, как роса в траве».*

Потом я узнал, что написал стихи тем же размером, что и Пушкин в своём творении «Я помню чудное мгновенье». Что ж, настоящая любовь, видимо, у всех одинаковая.

Корр.: Как случилось так, что Вы поняли «всё я – журналист, я – писатель?!»

Г.А.: Наверное, после того, как я отслужил в армии и оказался в городе Обнинске, где первая атомная станция была построена. Работал машинистом на криогенной станции. Вокруг люди ученые, засекреченные, но очень какие интересные в общении.

Знатоки литературы, истории, философии. Об одном таком ученом, лауреате Сталинской премии (в Челябинске-40 делал вместе с Курчатовым атомную бомбу) Николае Лебедеве я написал восхищенный материал в городскую газету. Не об основной его работе, конечно, писал я (этого делать было нельзя), а о мастерстве ученого как художника-портретиста.

Кстати, недавно мне довелось быть на презентации поэтических этюдов, написанных, как Вы бы думали, – академиком, Героем России, одним из создателей оборонного щита нашей Родины Юрием Соломоновым. Поразил облик автора, его глаза, как бы опрокинутые внутрь. Ни дать ни взять – Гомер.

Обнинск содрал с меня деревенскую заскорузлость окончательно. И судьбу мою решил. После публикации очерка о Лебедеве, я стал узнаваемым в городе и признаваемым среди учёной братии. Осмелел я. И двинулся в литературу.

Корр.: То есть всё решила судьба?

Г.А.: Признаюсь, до армии я хотел поступить в военно-морское училище. Уж больно у курсантов форма красивая. Смерть девкам! Пришёл в военкомат, написал заявле-

ние. Всё было нормально. Девятнадцатого августа (по христианскому календарю день Преображения) получил повестку. Перед отправкой с ребятами-одногодками пошли отмечать «Преображение» в деревню Ощепково. А там подрались из-за девчат с местными ревнивыми парнями. Попал в больницу. А двадцатого-то мне надо было явиться в военкомат, на призыв. Не смог, преобразилась судьба.

Корр.: А как Вы всё таки оказались на журфаке?

Г.А.: Сначала-то я подался в литературный институт. Иду по коридору, встречаю знакомого парня из Малоярославца – Валю Ермакова. Сейчас он известный поэт. Он мне и говорит: «Гена, Литинститут – хорошая штука, но ведь после него даже распределения нет. Сам ищи работу. На журфаке надежнее: окончишь, будешь иметь место, твёрдую зарплату». Я, как человек с крестьянским укладом, сообразил, что лучше быть обеспеченным. Вот так и оказался на факультете журналистики.

Корр.: И с момента поступления Ваша жизнь как-то изменилась? Легко ли Вам было устроиться в советское время?

Г.А.: С судьбою (судом Бога) не поспоришь. А советская система никак не подавляла мои порывы. По окончании МГУ я попал в районную газету «Заря», что в Калужской области. Редактором её был Михаил Кузькин – поэт, душа широкая, вольнолюбивая. С ним у нас сложились прекраснейшие отношения, и писали мы в газете обо всём от души. Писали о том, что нам самим было интересно. На-

ша газета стала не райкомовским боевым листком, а малой «Литературкой». На стихи же Кузькина писал рецензии сам Виктор Астафьев.

Писали мы, конечно, и по делу, и много. Я помню, в те годы праздновали Юбилей Октября. И мы начали такую компанию: показывать людей, которые родились в 1917 году, – ровесников Октября. Мы писали о людях, об их непростой судьбе. Это оказалась хорошая серия. Ведь человек с его судьбой заметнее, когда прочитан в историческом контексте. Наверное, не зря нас зауважали даже в таком журнале, как «Партийная жизнь».

То было прекрасное время. Время без войн, репрессий, перемен. Народу дана была как бы передышка, позволившая детям убитых в войнах отцов пережить их жизнь. Люди то-ропились наговориться, налюбоваться. Зачитывались Хэмигу-эем и Аввакумом, слушали рок и крестьянские песни. Поки-дали коммуналки, въезжали в малогабаритки, вышли в кос-мос, озаренные улыбками Гагарина и Фиделя, песнями Па-хмутовой и моего друга – однополчанина по службе в Та-манской дивизии Александра Аверкина. В то же время на-род «вкалывал» как никогда. А что же ещё и могло быть в государстве рабочих и крестьян?

Корр.: Получается, творчество для Вас – это между жур-налистикой и писательством?

Г.А.: Похоже. Самую престижную журналистскую награ-ду «Золотое перо» получил я за рассказы о людях, когда ра-

ботал в газете «Сельская жизнь». Именно в ту пору прозвучал партийный призыв – показывать во всей духовной красе героев пятилеток как носителей высочайших нравственных качеств. И то было мудрое дело: людям тоскливо бывает без положительного героя. Ещё Максимом Горьким – да и им ли одним? – было замечено: «со стороны своей «плоховатости» человек мало интересен. И не этим он удивителен». Я понимаю, любопытство и «плоховатость» не переводится и вряд ли переведется. Хотя взгляд на человека как на ничтожество по природе, как на существо, сводимое к простейшим инстинктам и физиологическим функциям, никогда, кажется, на поприще искусства не преуспевал. Как бы это и не пытались опровергнуть нынешние новоделы. Научиться видеть красоту вещей, духовную красоту человека – это предел того, что может достичь художник – чаще по природе своей мечтатель. А мечтатель, как сказал кто-то из великих, находит свою тропу только при лунном свете. В этом его наказание и награда: он видит рассвет раньше других.

В наше время журналисты бились за действенность своих выступлений. Ныне, похоже, этого нет. Отзвонил – и с колокольни долой. Вот тогда-то и начинается беспредел, торжество несправедливости. А хуже несправедливости бывает лишь справедливости, из чьих рук вынули меч. Когда правда – не есть сила, она – есть зло.

Сравнивая советское и нынешнее время, прихожу к таким выводам. Во-первых, мне трудно понимать нынешних

людей. Быть может, потому что стало меньше личного контакта. Журналистика стала цифровой. А вот докопаться до сути, до человеческой души, – это не всем удаётся. И, к сожалению, не доходят до людей журналистские идеи, не могут они сподвигнуть народ на действие. Человек многогранен, в нём намешано столько всего! И если ему не показывать ориентир, а только многогранность, он может в ней погрязнуть, покатиться вниз.

В современной журналистике часто получается, что мы даже подталкиваем туда людей, хотя, кажется, что мы показываем человека во всей его сияющей сложности. Мир полон соблазнов, гласит Евангелие, но горе тому, через кого в мир приходит соблазн. Не будем этого забывать. Беда нынешнего поколения в том, что оно больше смотрит, а не читает. Чтение – трудное занятие, в отличие от просмотра телевизора.

Корр.: Как давно, по Вашему мнению, начался этот процесс?

Г.А.: Началось, думается давно – в 90-х. Было много запретов. А «запретный плод» сладок – сладок поначалу. По сути он ядовит: к этому надо быть подготовленным. Ведь не зря великие научные открытия хранились в своё время в монастырях. Не случайно великий сатирик Фонвизин писал в своей пьесе «Недоросль»: «Наука в развращённом человеке есть страшное оружие делать зло». К новому человека следует нравственно подготовить. Нельзя этой нравственностью поступаться. Ни в коем случае. Неспроста же связывали ду-

мающие люди уничтожение нравственных основ с кончиной государства. Нравственные основы бережно создавались веками! А мы по ним – кувалдой. Пришла пора собирать камни. И верить, что не все пали люди, не умер в их душах Бог. Между прочим сказывают, что люди удивительно быстро умнеют, когда их считают умными.

Корр.: Какова в этом роль журналистов?

Г.А.: Огромная. Журналистика, называемая нередко предместьем литературы, строится на документальном отображении действительности своего времени. Тут важно понимать каждому, кто взялся за перо: время – тоже родина. Да, да, есть не только та родина – земля, где мы родились, но и время, когда мы родились, – тоже есть наша общая родина, которую нельзя предать, которую надо спасти, чтобы она навсегда осталась живой и плодоносной. Об этом и надо вести речь. И показывать человека. Не осознавшему своего пути – подсказывать направление.

Корр.: Как Вы считаете, что приоритетно для современной журналистики?

Г.А.: То, о чём говорилось уже выше. Ну, и, конечно же, способность чувствовать основное историческое движение жизни, слышать её живые голоса, нередко прерываемые шумом так называемого информационного взрыва.

Чтобы учить, надо много знать и верить в то, чему ты учишь. Это не должно быть лицемерием. Сейчас всё быстро делается, но я всё равно считаю: нужно глубже «всма-

риваться» в людей. Чтобы писать о человеке, надо хотя бы нравственно сравняться с ним.

– Как? И с негодяем? Самому пасть?

– Вергилий вёл Данте по аду, свёл поэта с величайшими грешниками. Но тот, познав их, воспел свет, Беатриче.

И вот ещё что. Сейчас, к сожалению, всё решает «скоропалительность». Но, тем не менее, если мы хотим жить в своём Отечестве, среди своего народа, то придётся народ спасать. Разумеется, сейчас мы поднялись на какой-то другой социальный уровень.

*«Вступила родина на новую дорогу.
Господь! Храни её и укрепляй.
Отдай нам труд, борьбу, тревогу,
Ей счастье отдай» – некрасовские стихи.*

А мы всё браним предшественников советских, что пели душевно:

*«Была бы родина богатой да счастливою,
А выше счастья родины нет в мире ничего».*

Вернёмся ж на родину, люди добрые.

Она так ждёт прихода – «у пруда, под ивою».

Корр.: Журналисты изменились, а вот читатели?

Г.А.: Сейчас люди, повторяю, мало читают, особенно ум-

ное. А ведь нет греха, кроме глупости. Все как-то «самовыражаются», но это было и раньше. Правда, раньше являлись иногда гении, которые могли «самовыражаться» талантливо и стать примером. Они могли всё как-то сконцентрировать и выдать творение, которое становилось эталоном, учебником жизни. Сейчас гениев вроде бы и нет, а «самовыражаться» хочет каждый.

Я иногда давал почитать во дворе свои вещи. У меня была книжонка, в которой написал о своей малой родине, рассказал небольшую историю, но не через своё восприятие, а глазами окружающих людей. Дал эту книгу одному своему дальнему родственнику – будущему журналисту. Родственник поразился: «Ой! А что, можно так писать?» Он прочитал брошюру, дал её своим товарищам. В итоге – прочёл весь их факультет, и книжку затёрли до дыр. Видимо, интерес-то есть.

Вот Шолохов: его же считают сталинским сатрапом, мол, «Поднятая целина» воспела раскулачивание... Ничего подобного, наоборот! Когда сейчас перечитываешь роман незашоренными глазами, понимаешь: как же правдиво, с какой болью это всё отражено!

Корр.: Будь Вам сейчас 20 лет. Чем бы Вы занялись в первую очередь?

Г.А.: Я бы изучил свою родословную. Надо знать своих предков, понять их поступки и не винить за то, что сделали они когда-то что-то не так. Об этом, знаете, Даниил Андреев

в «Розе мира» хорошо сказал: упрекать предков за их, скажем, непредусмотрительность – это всё равно, что упрекать строителя российского флота Петра I за несоздание им современной авиации.

Мусульмане, как мне известно, знают всех членов своего клана до одиннадцатого колена. Я же своих предков знаю лишь до третьего от силы. А ведь какие были люди! Деды у меня на Бородинском поле воевали, и в Полтавском сражении участвовали. И такая штука: я, например, женился на девушке – Татьяне Скрицкой. Её предки по отцу во времена Екатерины бунтовали. Тогда их умирял сам Суворов, многих отправили в Забайкалье. Как и прадедов моего тестя – советского генерала и сталинского сокола. Интересно, не правда ли?

Недавно мы отмечали юбилей Н.Н. Дроздова. Говоря заздравный тост, я не мог отметить, что прадед Николая Николаевича – святитель Филарет (Дроздов) являлся духовным руководителем архитектора Тона, создавшего Храм Христа Спасителя, редактировал манифест царя Александра II об освобождении крестьян от крепостной зависимости и сохранил нам А.С. Пушкина как национального гения. Пушкин был убит на дуэли. Хоронить его следовало вне церковной ограды. Представляете, что было бы, если Пушкина так и схоронили. Какой козырь был бы дан в руки всякого рода раскольникам отчизны нашей. Филарет отстоял перед царём право захоронения поэта по христианским правилам, сделав

тем самым Александра Сергеевича объединяющим началом всех нас. Вот ведь как бывает.

Корр.: Мы учимся на кафедре печати, и она у нас самая большая по численности. Каково будущее печатных СМИ?

Г.А.: Университет – это счастье наше. Вот мы пришли учиться. Что мы на первом курсе изучаем? Древнерусскую литературу. У нас была преподавательница Татаринаова. Так вот она нам Библию читала, Евангелие. Преподносила их как памятник культуры, обращала внимание на образность святого писания, на яркость, на умение апостолов изумительно выразить мысль. Будучи сестрой известного драматурга Корнейчука, написавшего пьесу «Фронт», Татаринаова высказывала такие мысли о войне и мире, значение которых осознал я, только дожив до сегодняшнего расхристанного времени. Она говорила о человеческом разуме, который един и который может покончить с предрассудками наций. До тех же пор пока в войне видят зло, она всегда будет обладать известной привлекательностью. Когда в ней научатся видеть вульгарность, она не привлечёт никого. Конечно, такая перемена произойдёт не скоро. Но должна произойти. Страна, народ, объявляя войну другой стране, непременно вспомнят, что тем самым они рушат и себя, и собственную культуру. Воевать – ненавидеть. И разве можно создать песнь ненависти, как говорил Гёте, не ненавдя! Песнь ненависти... Это же противно человеческой сути.

Но о печатном слове, газетах. Они, по-моему, что книги.

Они раритет, материальное воплощение культуры. То, что прозвучало на радио, телевидении – блеснуло и ушло в небытие.

Быть может, я тут немножко утрирую, отстаиваю честь газетного мундира. Но, право, уверен на все сто: запечатлённое, вырвавшееся из страстной груди слово будет востребовано всегда. Вспомним стихи Николая Рубцова о не земной радости человека, способного:

*«В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!»*

Постскриптум

Выше приведённое интервью было опубликовано в научно-практическом издании «Идеи и новации». Цитировалось на слёте молодых журналистов в Дагомысе, рекомендовалось к изучению на факультете журналистики.

В альманахе были приведены беседы со многими представителями СМИ старшего поколения. Понимаю, всего того, что наговорили мы, старики, вместить разом не смогло бы никакое издание.

Я, например, «растекался по дереву» перед юными слушателями чуть ли не четыре часа. А в итоге напечатано то, что вы только что прочитали.

Но тщеславие распирает. И так хочется поведать, хотя бы кратко, о том, что осталось за бортом. Извините, но, может и пригодится это кому-то.

«Писаная торба»

Оппоненты – не студенты, разумеется, не раз одёргивали меня: «носишься со своей деревней, как дурак с «писаной торбой». «Чего тогда торчишь в Москве, езжай в свою берлогу».

Н-да... Пушкина тоже гнобили за русскость вельможи, прозападники, кричали даже: «Исписался Александр Сергеевич!».

Нет теперь моей родовой деревни (заросла лесом), по поводу которой говорил и говорю: «Ох, если бы жива была она, от которой впитал я великорусский говор, своеобразный, богатый великими смыслами, отливающий необыкновенными оттенками чувств и человеческой красоты, – я положил бы её ногам всё, что скопил приобрёл и что делал, уверен теперь, лишь бы только добиться признания её и одобрения. Её – и никого больше.

Многого захотел.

Для этого надо быть по крайней мере пророком. Но ведь нет пророка в своём отечестве («Святое писание») и стремится талант в Париж, чтобы блистать (Оноре де Бальзак).

Расул Гамзатов стал поэтом мира из-за «Журавлей». Но мало кто знает, что во всемирно известной песне пришлось изъять для этого несколько строк, которые подчёркивают принадлежность поэта не миру, а сугубо Дагестану, не всем

народам, а – исключительно аварцам. Вот эти строфы:

Они (журавли – Г.П.) летят, свершая путь свой долинный,

И выкликают чьи-то имена.

Не потому ли с кликом журавлиным

От века речь аварская слышна.

Не получается, выходит, отдать право только малой родине на твоё признание. Местечковостью, хуторским национализмом отдаёт. Это – не для меня, не для русского человека, со свойственной ему мировой отзывчивостью.

Малая Родина – корни, без которых нет ветвей и кроны. Вот такая это «писаная торба».

Материнская правда

Странно вроде бы, но моя мать мало рассказывала мне об отце, о его гибели на войне, наверное, героической, – так было означено в казённой похоронке: «пал смертью храбрых». Беззаветно любила мать брата Костеньку, единственного оставшегося в живых фронтовика из нашего рода, но... опять же я не слышал восхищения его военными подвигами.

Война – для неё была чем-то большим, чем зло, боль, огонь, страх, отчаянье и т. д. Чем же?

Как-то блокадница – тётка Дуня, жившая у нас, говоря о солдатах, погибших в бою, сказала, что они не попадут в рай. Не попадут они и в ад. Они упокоятся во рвах – нейтральных.

– И фашисты тоже? – вырвалось у меня, мальчонки.

– И фашисты, убитые в боях нашими солдатами.

В «сути человека», вспоминая суждения о войнах и национальных предрассудках народов преподавательницы нашей в МГУ Татариновой, я рассказывал слушавшим меня молодым журналистам, что эту память во мне всколыхнуло именно материнское и тётки Дунино миропонимание вселенской трагедии.

Конечно, простые женщины говорили не профессорским языком, но мысли у них были академические.

... Как-то, толкуя с моим шурином, дипломатом Гелием Скрицким, говорившим о том, что народам надо больше

быть связанными экономическими узами, торговлей, тогда и вероятность войны уменьшится, – полуграмотная крестьянка деревни Пилатово Марья Михайловна Пискарёва тихо молвила:

– Гелий, солнышко, мы, видимо, неплохо торговали с Германией в канун войны. Мой младший брат, служивший в Бресте, писал, что последний эшелон с зерном ушёл от нас к немцам в три часа 22 июня 1941 года. А в четыре часа фашисты бомбили Киев.

Во, как осадила, «срезала» мать дипломата – профессионала. А что? Многие неглупые люди пытались и пытаются научить людей братству сугубо через коммерческий смысл. Но это, и мне теперь кажется – апелляция к самым, увы, низким инстинктам. Мир – не базарная площадь. Интересы торговцев – вовсе не гарант от войны. Неужели это чувствовала моя мать?

Каин и Авель

Слышим, уверяем: украинцы и русские – единый народ. Украинцы и русские – братья.

Так-то оно так: все люди – братья. Каин и Авель – тоже. Да убил же второй первого. Дети Адама и Евы, внуки самого Господа Бога, а поди ты, что натворили.

И почему произошло первое смертоубийство? Из-за ревности.

Авель – животновод. Более ароматный и приятный для обоняния деда жертвенник возжёт – из мяса.

Каинов-то – из хлеба – был оценён Всевышним не столь высоко.

А если бы одинаковыми оказались жертвенники? Не состоялось бы тогда первое кровопролитие? Кто знает, может бы и не состоялось. И человечество пошло бы в своём развитии совсем по иному пути.

Хотя неопределённость выражения «кто знает», здесь не очень уместна. Бог, только Бог, знает к чему могли бы привести дороги, по которым мы не пошли.

Заноза

Есть такое расхожее суждение: интеллигенция – заноза для властвующего режима. Казалось бы, мне, деревенщику с матёрой философией о правде – матке, идущей только от земли, зубами надо ухватиться за подобную мысль.

Но я говорю: чепуха это, что интеллигенция – заноза для режима власти. И нечего жонглировать фактами репрессий в отношении её в советское время. Что-то большевики не «гнобили» Тимирязева, да и Туполева с Курчатовым не расстреляли.

Ах, забыл, они ведь прагматики, большевики-то, для своей пользы, с кем угодно могли в союз вступить.

Да, материалисты они. Только эти материалисты почему-то оставили неприкрытыми интересы СССР, казалось бы, на самом важном участке – со стороны науки, открыв двери новой физике, основой коей были, что видно невооружённым глазом, идеалистические воззрения. Не это ли позволило заявить физику Владимиру Ильину (не путать с философом Иваном Ильиным), что «в конце концов такие понятия, как большевизм, социализм и коммунизм это всего лишь разновидности идеализма, а материализм используется только в качестве дымовой завесы».

Занозой интеллигенция становится, когда она начинает киснуть, бродить, выделять отравляющие миазмы. Конечно,

что бы дерьмо не воняло, его надо или засушить или заморозить. А лучше эту гадость удалить, вырвать. Терапия тут, пожалуй, бессильна. Не случайно же древние медики, борясь с опасными недугами человека, предпочитали ей хирургическое вмешательство и калёное железо.

И, впрямь, разве можно таблетками – увещеваниями вылечить, например, нынешних русофобов, всяких там «пивобродных» и «сытых».

Уничтожать физически – тоже не дело. Не то время, правильно не поймут. Потому призывать к сему никак не могу, не дождётесь.

Остерегаться надо гадюк. Не заигрывать с ними – а обходить, и не дремать, как карасям в водоёме, где щука ходит.

В 90-е годы, годы уничтожения нашей страны, понятно, смертоносная деятельность, уродство человеконенавистников всячески поощрялись.

Но сейчас-то...

Откуда берутся такие особи? Запад засылает?

А откуда взялся Семён Трубников, сыгранный столь неистово актёром Лапиковым в «Председателе»? Чего стоит сцена, когда он в истерике топчет молочный шланг на колхозной ферме, бросает кружку молока, протянутую ему сердобольной дояркой, кричит, задыхаясь от злобы, брату – председателю (артист М.Ульянов):

– Не надо мне ничего от тебя, ни заработка, ни хорошей жизни!

За что можно не любить так родину, родившую, вскормившую тебя, которая велика и благородна. Красива наконец. В силу только собственной внутренней шkodливости? Нет, это мелкое объяснение. Скорее всего, о чём говорилось уже, – «Каиновой печатью» предопределяется это, надеждой защиту найти в тех же штатах – в том Вавилоне, что «яростным вином блуда напоил народы». Но пал ведь, пал Вавилон!

Не приручайте змею: всё равно укусит.

Отцы и дети

Конфликт между ними извечный. Но понимаемый и принимаемый.

Дети – живут в миру, варятся в его страстях, срываются, падают, свершают грехи.

Отцы – они уже поднялись над этим, от греха земного как бы оторваны.

Иисус Христос, свершая земной путь до 33 лет, был тоже подвержен искушениям. Он был сыном земной матери. Но... и сыном Божиим. Он мог преодолеть свои страсти, испив мирскую чашу, пострадать за наши прегрешения и вознестись на небеса – к отцу – Богу.

Реальные отцы реальных детей – не боги. Им трудно даётся согласие между собой. Это извечно. Но... временно.

Копьё Лонгина

Немецкий математик Гилберт об одном из своих способных учеников, но оставивших науку, сказал: «Он стал по-этом... Для математики, ему не хватало воображения».

Чудеса, да и только. Кстати, этот же самый Гилберт, ставивший математическую фантазию выше поэтической романтики, предлагал все достигнутые научные открытия аксиоматизировать, то есть принять как незыблемый, не подлежащий сомнению, постулат – вроде таблицы умножения.

Встреча, состоявшаяся прошлым летом в Домжуре с легендой отечественного военного ракетостроения, создателем «Копья Лонгина» – ядерного оружия, остудившего горячие головы заокеанских (и не только) милитаристов, Юрием Семёновичем Соломоновым, оставила у всех нас, собравшихся на презентацию его поэтических этюдов на исторические темы, мало сказать неизгладимое, – ошеломляющее впечатление.

Кое-кто из нас, заморожено-потрясенных такого рода творчеством Героя труда, академика, физика-ядерщика, выступая, заявлял аж, что здесь мы видим, пожалуй, первый пример подобного альянса поэзии и науки. Это слишком. М.В. Ломоносова-то забывать не стоит. Ну, и ученика Гилберта.

Тут дело в другом. Создатель «Копья Лонгина» (Лонгин –

римский легионер, проткнувший на кресте Иисуса Христа, чем то ли убил его, то ли прервал земные страдания спасителя) для названия своей поэтической книги взял строку из высказываний библейского мудреца Экклезиаста – «Что было, то и будет».

Между прочим, полностью это место в священном писании звучит так: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

Да, далеко ушло развитие цивилизации, за прошедшие тысячелетия, только вот человек почти не изменился. Имеется ввиду особенности его характера, психики, приоритетов – с неизменной борьбой за власть, подчинением слабого сильному, посевами зла и добра.

К краху идём? Тем более, что теоретически, как поведал первый ядерщик страны Соломонов, мы готовы создать и более мощное оружие. Экономических возможностей нет пока. И тут я робко задал вопрос.

– Юрий Семёнович, а может быть, нет на это дозволения Свыше? – не от земных властей имею ввиду. Известно: гениальный нейрохирург В.Ф. Войно-Ясенецкий, канонизированный русской православной церковью, мог элементарно просто вылечить человека, пораженного болезнью века – раком.

Ему было дано Господом знание врачевания страшного недуга. Но не дано позволения применять его.

Соломонов согласно кивнул головой. И, отвечая на во-

прос соседа, – будет ли ядерная война? – ответил, как отрубил:

– Нет. Но может сработать фактор случайности.

Казачи

В нашей лесной стороне, где я родился, казаков вроде бы не было. Но песни казацкие, – буйные, вольные, – пели; парни наши страсть как любили «показаковать» – покрасоваться, погулять лихо.

Моя первая шапка – «кубанка». Головной убор с округлой меховой опушкой и с крестом из золотого позумента на красном бархатном верхе – достался мне от дяди Васи, материнского брата – «форсуна» и мечтателя (стихи писал), пропавшего без вести на войне.

Как-то на дне рождения Всемирного казацкого атамана Валерия Васильевича Камшилова, устроенного в ресторане Центрального дома туристов, опекаемого известным «солнцевцем» – «Михасём», я, женатый на внучке кубанского казака, говорил об обожании казачества жителями моего неказачьего края, о корневой связи иконного крестьянина-мужика с казацким сословием.

Казак – воин и труженик, первопроходец, но разве не кондовые «навозные жуки» моей деревни и тысяч таких же деревень отстояли Отечество в грозные годы Великой Отечественной, надев серые шинели, вместо замурзанных телогреек, шагнув с поля хлебородного на поле бранное ратное? Не они ль «пол Европы, пол Европы пропахали, проползли?».

Атаман, прошедший Афган, Югославию, Сирию и прочие

огни и воды, израненный «не на охоте» – в боях, вмешался в моё самовоизлияние:

– А ты не забыл, Геннадий, что именно казацкий отряд сопровождал родоначальника императорской династии Романовых, молодого боярина Михаила, из твоей Костромы в Москву?

Я принял реплику, закончив тост во славу вольного Казачества – хранителя и оберега державной воли, устроителя, по словам Михаила Шолохова, матушки России.

А сев на место призадумался. Чудна, необычна история государства нашего, рассматриваемая в лицах. Вот гуляем мы во владениях Сергея Михайлова – известного всем, благодаря неистовости ошалевших от гласности СМИ, как главарь «Солнцевской группировки», «крёстный отец русской мафии» – «Михась».

А ведь это «Михася» судил международный суд в Женеве и не нашёл криминала в его делах. Кроме того, ему выплатили огромную денежную компенсацию за моральный ущерб. И знаете ли Вы, что благодаря фонду «Участие», другим благотворительным учреждениям, созданными «Михасём», нет, не «Михасём», а Сергеем Анатольевичем Михайловым, мы снова застолбили Арктику, как неотъемлемую часть Российской территории. Как когда-то, благодаря Ермаку, казаку-разбойнику, – овладели Сибирью.

И не через «окаянство» ли Стеньки Разина и Емельяна Пугачёва наказывалась Россия, когда забывали о чаяньях

своих верноподданных, черносошных людишек. Каралась и очищалась, не теряя единства и любви к своей родине, всех сословий, сословий не раздираемых непримиримостью, как ныне, определяемой принадлежностью к той или иной партии.

Чудна история наша в лицах. Моя жена по матери, повторю, – внучка кубанского терского казака, кстати, главного ветеринарного врача кубанского войска, женившегося на чеченке – предпринимательнице. Бабка шила для царской армии полушубки, благо чеченцы далеко не только абреки, но и отменные животноводы.

Мой приятель, экс-председатель КГБ по Чечено-Ингушетии, последнее время занимавший ответственные посты в Российском комитете по борьбе с оборотом наркотиков Ахмет Хутаев, с кем поделился я родословной своей супруги, воскликнул:

– Слушай! Узнал бы ты из какого аула бабка твоей жены. Мы бы там памятник российско-чеченской дружбе поставили!

Революция отобрала у бабки и матери моей женошки два двухэтажных дома в Екатеринодаре (Краснодаре), но дала в мужья моей тёще курсанта Ейского лётного училища Дмитрия Скрицкого, впоследствии генерала авиации, предки которого поляки были за бунтарство своё сосланы в Забайкалье.

На приёме в Кремле в честь Победы над фашистской Гер-

манией, молодая (сорока ещё не было) красавица, вобравшая в себя кровь и русскую и чеченскую, Вера Степановна Скрицкая танцевала с Георгием Жуковым – заместителем (единственным) Верховного Главнокомандующего Иосифа Сталина.

И этот Иосиф Сталин, спустя два месяца, выразит личную благодарность генералу Дмитрию Скрицкому, за то, что он со своими соколами не допустил высадку американских самолётов на японских аэродромах: он разбомбил их – не американцев, конечно, а японские аэродромы, обеспечив приоритет нашей победы над «страной восходящего солнца».

У нас в квартире, на стенке висит шпага японского лётчика – камикадзе, сбитого лично моим тестем. Висел до поры и парадный мундир самурая с шляпой со страусиновыми перьями, пока их не сожрала моль.

Ой, не сожрала бы только «моль» нашу память, не поколебала бы любовь к отчизне, такой, какова она есть, хитро-сплетенная, прочно перевитая судьбами разных, но по божьей воле, единых народов, схожих верований, нравственных принципов.

Не блок бы посты ставить нам, а памятники дружбы, что предлагает чеченец Хатаев.

Часть II. Не верь, чтоб вовсе пали люди

«Чужое хаять мужества много не надо. А чтоб своё придумать, не одну ночку с бока на бок перевернёшься»

П. Бажов «Каменный цветок»

«Будешь много думать – дела не сделаешь, а деля, до многого додумаешься» – это Алексей Константинович Толстой опять же не шутя говорил. А что?

Лев Толстой за сохой ходил и «Войну и мир» обдумывал. Спиноза линзы шлифовал и осмысливал тайны мироздания, веры и человекостояния».

Автор

Путь на верх

«...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет...»

Евангелие от Луки – гл. 14, ст. 17

«Водораздел эпох не через фундаментальные политические катаклизмы проходит, а через души людей, обычных рядовых вершителей и жертв

истории».
С. Бахмутов

*«Конец русскому государству будет тогда, когда
разрушатся наши нравственные основы...»*
В. Ключевский

*** * ***

Есть такой исторический анекдот: Вальтера Скотта будто бы богатые современники упрекнули как-то, что вот, мол, он пишет все больше о старине, о временах далекого рыцарства, а нет, чтобы обратить свой талант на воспевание нынешних героев – фабрикантов, банкиров...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.